

УДК 94(476)"1944/1954"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-71-3-94-97

**ПРИМЕНЕНИЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 2 ИЮНЯ 1948 Г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОРОДА ПОЛОЦКА)¹***канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО**(Полацкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)***ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9940-0236>

Рассматривается практика применения Указа от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» на территории Полоцкой области. В качестве источников выступают ранее не опубликованные архивные документы, которые располагаются в Зональном государственном архиве города Полоцка.

Ключевые слова: *послевоенная деревня, Северная Беларусь, уровень жизни, колхозное крестьянство, Устав сельскохозяйственной артели.*

Введение. Действительность, в которой оказались сельские жители Беларуси, после Великой Отечественной войны, предопределила жизненные цели и способ их реализации. Восстановительные процессы растянулись на длительный период, а население вынуждено было решать насущные проблемы жизнеобеспечения своей семьи, параллельно прикладывая титанические усилия для восстановления сельскохозяйственного производства. Неравномерный ущерб по итогам войны предопределил разные стартовые возможности для восстановления. Крестьяне по-своему пытались адаптироваться к послевоенной реальности и искать ресурсы, необходимые для достижения оптимального уровня жизни.

Одной из составляющих послевоенной действительности было нарушение трудовой дисциплины и уклонение от участия в колхозной жизни в пользу деятельности, которая приносила доход. В условиях недостаточной оплаты труда в колхозе, приусадебное хозяйство рассматривалось как основной источник существования для семей колхозников, гарантирующий определенный уровень достатка. Работа на приусадебном участке увеличивала общий рабочий день колхозника, а с учетом демографической составляющей осуществлялась, в основном, усилиями женщин, которым приходилось затрачивать в 4-6 раз больше время на это, чем мужчинам [1, с. 67]. Система оплаты трудоднями не была важным фактором для стимулирования крестьянского труда, поэтому некоторые крестьяне-колхозники в первые послевоенные годы старались минимизировать свое участие в колхозной деятельности. Документы Зонального государственного архива города Полоцка свидетельствуют о том, что в 1946 г. по колхозам Полоцкой области 5676 колхозников не выработали обязательный минимум: 5312 – из восточных (Освейский, Ветринский, Дриссенский, Полоцкий, Расонский, Ушачский) и 364 – из западных районов (Браславский, Видзский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дуниловичский, Миорский, Плиский, Шарковщинский); из них 2287 человек были трудоспособными представителями колхозного крестьянства и 3389 – подростками до 16 лет [2]. Сравнение результатов трудового участия колхозников в последующий год свидетельствовало о том, что по республике в целом трудовая активность крестьян-колхозников повышалась, однако по Полоцкой области число невыработавших минимум трудодней увеличилось, при этом никто из них не был привлечен к ответственности [3, л. 1–4]. Необходимо отметить, что партийные органы ситуацию с нарушением Устава объясняли тем, что «...мы мало работаем над воспитанием колхозников, а поэтому у них сильны частно-собственнические интересы, безразличное отношение к средствам производства и плохое отношение к общественному труду. Многие секретари райкомов подменяют кропотливую политическую работу с колхозниками голым администрированием» [4, л. 3–4].

Однако дело было не в воспитательной работе, а в сложностях послевоенного восстановления, бытовой неустроенности и других причинах экономического и социального характера. Региональные архивные документы и материалы устной истории, зафиксированные на территории Северной Беларуси, свидетельствуют, что иногда руководство колхоза, учитывая сложность жизненной ситуации в первые послевоенные годы, отпускало на пару месяцев на заработки одного трудоспособного из семьи после окончания основных сезонных работ (уходили в Латвию, западные области Беларуси к единоличникам, устраивались в строительные бригады и т.д.). Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» прекратило эту практику.

Цель данного исследования – на основе анализа архивных документов проследить практику применения Указа от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» на территории Полоцкой области, выявить кто и по каким причинам подпадал под действие данного указа.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Стратегии выживания и адаптивные практики сельского населения Северной Беларуси в послевоенный период», договор № Г23ИП-037.

Основная часть. 2 июня 1948 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» с пометкой «не подлежит опубликованию» [5]. Согласно документу общим собраниям колхозников на территории советских республик, в том числе и БССР (за исключением западных областей) предоставлялось право выносить общественные приговоры в отношении лиц, которые нарушали трудовую дисциплину и уклонялись от работы в колхозе. Для вынесения общественного приговора необходимо было присутствие большинства членов колхоза и совершеннолетних крестьян деревни [5]. Решение о выселении принималось в ходе открытого голосования простым большинством голосов. Затем общественный приговор предоставлялся сельским советом на утверждение исполнительному комитету районного совета депутатов трудящихся, после чего принимал законную силу. Лица, в отношении которых были вынесены общественные приговоры о выселении, подлежали удалению из пределов республики сроком на 8 лет в регионы согласно с перечнем Совета Министров СССР [5]. Члены семьи могли добровольно поехать с выселяемым на спецпоселение.

В Зональном государственном архиве города Полоцка содержатся региональные документы о реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. на территории Полоцкой области, которая существовала с 1944 по 1954 год. Преимущественно, это протоколы общих собраний колхозников, на которых определялись кандидаты для выселения, прения по ним и принимаемые решения, а также окончательное решение исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся. Необходимо отметить, что документов не так много, но исходя из наличных материалов Зонального государственного архива города Полоцка можно составить представление о том, как проходила реализация правительственной политики в отношении колхозного крестьянства на региональном уровне, кто и по каким причинам подпадал под действие данного указа.

Первое собрание было проведено 17 июля 1948 г. в Карколецком сельском совете Дриссенского района (современный Верхнедвинский район) в колхозе «Пролетарий», на котором из 87 колхозников присутствовало 84 [6, л. 1]. На повестку дня был вынесен вопрос о состоянии трудовой дисциплины в колхозе и мерах борьбы с лицами, которые уклонялись от трудовой деятельности. Для обсуждения было предложено четыре кандидатуры. В ходе прений было решено применить Указ от 2 июня 1948 г. в отношении только одного из кандидатов, мужчины 1914 г.р., который, как было зафиксировано в протоколе: «проживал на территории колхоза, вел паразитический образ жизни и занимался спекуляцией, разлагал трудовую дисциплину» [6, л. 2–3]. Трех остальным кандидатам было вынесено предупреждение о возможности применения и к ним данного Указа, если они не выйдут на работу. Из 84 присутствующих колхозников за такое решение проголосовало 83 человека. Необходимо отметить, что исследователи, которые занимались изучением практики применения рассматриваемого Указа в других республиках СССР, отмечают, что региональные власти полностью контролировали весь процесс: от выбора кандидатур к выселению, до распределения ролей среди сельского партийного и беспартийного актива (кто выступает, кто выносит предложение и т.д.), а непосредственно сельские жители играли роль массовки, задача которой заключалась в принятии нужного решения [7, с. 8].

Практика реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. осуществлялась на протяжении нескольких лет. Протоколы общих собраний уже укрупненных колхозов в 1950 г. достаточно информативны с точки зрения мотивов неучастия в колхозной жизни, содержат дополнительные биографические материалы. Интересным является протокол общего собрания крестьян колхоза «Новая культура» Борковичского сельского совета от 26 октября 1950 г., на котором присутствовало 393 члена колхоза из 440 [6, л. 14]. Данный колхоз появился в результате объединения двух небольших коллективных хозяйств и специализировался на животноводстве. Однако по документам дела шли не очень хорошо, хозяйственные постройки, необходимые для развития выбранного направления, не были сданы в срок, трудовая дисциплина постоянно нарушалась. Колхозники старались минимизировать свое участие в колхозных работах и искать заработок на стороне. Распространенной была ситуация, когда один член семьи работал в колхозе, а остальные – за его пределами. В протоколе собрания особо подчеркивалось, что в колхозе много отходников [6, л. 15]. Кандидатур на выселение было четыре, каждую из которых рассматривали по очереди. Первым был мужчина 1894 года рождения, который, по словам докладчика, не участвовал в колхозном труде, занимался спекуляцией, имел лошадь и «захватил» 0,73 га колхозной земли. В ходе обсуждения звучали словесные формулы, которые часто встречаются в документах подобного рода: «настоящий паразит, его необходимо выслать в отдаленные местности СССР» [6, л. 15]. К тому же, один из выступающих заявил, что данный представитель крестьянского сообщества «в период немецкой оккупации не пошел в партизаны, а пошел на помощь немцам, работал в полиции, а сейчас грабит колхоз» [6, л. 15]. В отношении первого кандидата прения быстро закончились и было принято единогласное решение о выселении его в отдаленные местности СССР. По другой кандидатуре (мужчина 1906 г.р.) обсуждение было более бурным, а сам кандидат на выселение являлся участником Великой Отечественной войны и имел правительственные награды, что и отметил в своем выступлении секретарь райкома, предлагая присутствующим не применять Указ Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 г., тем более, что рассматриваемый представитель крестьянского социума «признал ошибки и будет честно трудиться, укреплять колхоз и благосостояние колхозников» [6, л. 16].

Необходимо отметить, что к этому времени в практике реализации данного указа были прецеденты, когда местные власти рекомендовали к выселению колхозников, не имея должных оснований и последующая апелляция влекла за собой отмену общественного приговора, зачастую это были ветераны Великой Отечественной войны, многосемейные и неспособные к физическому труду представители сельского социума.

В рассматриваемом случае последующие прения раскрывают картину мира отдельного человека, его психологические установки, и материалы обсуждения позволяют глубже понять сложившуюся ситуацию. Так, бригадир колхоза, оппонировав секретарю райкома, привел следующие аргументы: «...не участвует в колхозном труде и жене не разрешает. Я, как бригадир, дважды имел угрозы от него: “если будешь посылать жену на работу – я тебя убью!” Однажды его жене был дан наряд ночью сторожить колхозных свиней, она пришла домой, а он дверь замкнул и в дом ее не пустил – за то, что она пошла на колхозную работу» [6, л. 16 – 16-об.]. Далее материалы дела говорят о том, что мужчина работал в строительной бригаде и предпочитал колхозному труду работу по найму. В окончательной резолюции собрания было отмечено, что данный кандидат мешает колхозу «Новая культура» быть передовым и члены собрания ходатайствовали о выселении его на 8 лет [6, л. 17]. Остальные кандидатуры на выселение, одной из них была девушка 1930 года рождения, которая уехала работать на строительство вокзала в Борковичах, дали подписку на 6 месяцев, что исправятся.

Материалы следующего протокола общего собрания колхозников имени Буденного Карколецкого сельского совета Дриссенского района от 30 октября 1950 г., на котором присутствовало 117 трудоспособных крестьян из 145, раскрывают мотивы неучастия граждан в колхозной жизни [6, л. 137]. На предоставленном последнем слове один из претендентов на выселение, который вступил в колхоз в 1948 г., выразил недоверие колхозному строю: «Когда я работал в колхозе, то травой питался, а теперь живу хорошо. Я в колхоз не пойду ни при каких обстоятельствах» [6, л. 40]. Приговор общего собрания колхозников был следующий: «...обманном путем добившегося постройки дома, как нежелающего честно трудиться выслать на 8 лет в отдаленные местности СССР на основании УПВС от 2 июня 1948 г.» [6, л. 40].

Необходимо отметить, что на основании изучения протоколов общих собраний, где речь шла о применении УПВС от 2 июня 1948 г., можно сделать вывод, что не все верили в реальность выносимых приговоров. Частично это можно объяснить тем, что в предыдущие годы нарушения Устава сельскохозяйственной артели попадали в поле зрения властной вертикали, однако наказания за них были достаточно умеренными. В ходе реализации УПВС от 2 июня 1948 г. многие подавали апелляцию в надежде на отмену или пересмотр приговора, меняли манеру поведения и обещали вернуться в колхоз: «работать честно и приносить пользу колхозу». Например, вышеупомянутый кандидат, который достаточно категорично высказался в своём последнем слове об уровне жизни в колхозе, после вынесения приговора на собрании колхозников апеллировал к вышестоящим органам, объясняя ситуацию следующим образом: «Я, НВМ, родился в 1912 году в семье батрака, батька мой работал у пана по найму, земли своей не было. Семья была из пяти человек. В 1929 году батька вступил в коммуну имени Ленина. Я служил у хозяина за пастуха. В 1930 году уехал в Днепропетровск и поступил на курсы слесаря. Потом работал на заводе. Затем приехал на родину в деревню Тоболки на работу в кирпичный завод. Во время оккупации работал кузнецом для своего проживания и семьи из 4 человек. В 1944 году ушел на защиту Родины, где был ранен. Демобилизован в 1946 году. Устроился на завод, а после сокращения штата я уволился в 1948 году и приехал в деревню Содковщину, два года работал на птицеводческой станции и начал работать в колхозе, затем в 1950 году перешел работать машинистом» [6, л. 45]. Несмотря на подобное объяснение исполком Дриссенского районного совета от 31 октября 1950 года оставил приговор общего собрания колхозников от 30 октября 1950 года в силе [6, л. 50].

Заключение. Система оплаты трудоднями в первые послевоенные годы не позволяла достичь желаемого уровня жизни и порождала недовольство в среде колхозного крестьянства, вынуждая адаптироваться к существующим условиям. Одной из жизненных стратегий в послевоенный период было уклонение от участия в колхозной жизни в пользу доходноориентированной деятельности. Как отмечалось в архивных документах «частно-собственнические интересы были не до конца изжиты среди крестьян-колхозников», что не вписывалось в рамки советского аграрного проекта, который вступил в завершающую стадию своей реализации в западных областях республики. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года, который применялся на территории советских республик, в том числе и БССР (за исключением западных областей), предусматривал строгое наказание за уклонение от участия в колхозном труде и должен был повысить производительность труда, а также покончить с невыработкой обязательного минимума трудодней.

Документы Зонального государственного архива города Полоцка, которые раскрывают практику применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г., позволяют глубже понять специфику развития послевоенной деревни и даже картину мира отдельного человека. Содержание протоколов общих собраний колхозников демонстрирует вариативность отношения к колхозному строю в крестьянской среде и тяготение определенной части крестьян-колхозников к проявлению внеколхозной предпринимательской инициативы для решения жизненных проблем. Однако выражение открытого недоверия к колхозному строю, которое встречается еще в документах 1950 года, меняет свою тональность после реализации основных положений рассматриваемого нормативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. – М.: Наука, 1992. – 222 с.
2. Зональный государственный архив города Полоцка (далее – ЗГА г. Полоцка). – Ф. 964. Оп. 2. Д. 30. – Л. 204.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ) – Ф. 4-п. Оп. 46. Д. 246.

4. НАРБ – Ф. 4-п. Оп. 46. Д. 244.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». 2 июня 1948 г. [Электронный ресурс] // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 379. Л. 30 – 31. Подлинник. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/49486-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-locale-nil-o-vyselenii-v-otdalennye-rayony-lits-zlostno-ukloniyayuschih-sya-ot-trudovoy-devatelnosti-i-veduschih-antiobschestvennyy-paraziticheskiy-obraz-zhizni-locale-nil-2-iyunya-1948-g>
6. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 129. Оп. 8. Д. 26.
7. Хасянов О.Р. Практика реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года в Поволжской деревне // Успехи современной науки. – 2015. – № 2. – С. 6–10.

Поступила 25.04.2024

THE APPLICATION OF THE DECREE OF THE PRESIDIUМ OF THE SUPREME SOVIET OF THE USSR OF JUNE 2, 1948 (A CASE STUDY OF THE ZONAL STATE ARCHIVE IN POLOTSK)

E. SUMKO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article deals with the practical application of the Decree of June 2, 1948 'On the eviction to remote areas of the country of persons maliciously evading labor activity in agriculture and leading anti-social parasitic way of life' on the territory of the Polotsk region. The sources are previously unpublished archival documents deposited in the Polotsk Zonal State Archive.

Keywords: *post-war village, Northern Belarus, living standard, collective farm peasantry, Charter of Agricultural Artel.*